

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.6

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.1.007

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИНОГО ОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор отмечает особенности регулирования семейных отношений в составе предмета права социального обеспечения и наследственного права. Отмечаются различия семейных связей и семейных правоотношений в контексте обеспечения прав и интересов граждан нормами соответствующего отраслевого законодательства.

Ключевые слова: *семейно-правовой статус, семейные связи, социальное обеспечение, наследственные правоотношения.*

Семья как социальный институт фигурирует в научном лексиконе не только семейного права, семейные отношения в той или иной степени включены в предмет правового регулирования многих отраслей права, а нормы отраслевого законодательства так или иначе оказывают влияние на осуществление семейных прав граждан. Примечательно, что взаимосвязь и взаимообусловленность семейно-правовых связей и иных форм организации социального коммуницирования, в свою очередь, оказывают влияние на механизм правового регулирования иных общественных отношений, находящихся вне предмета семейно-правового регулирования.

Достаточно распространены в современной юриспруденции исследования соотношения предметов гражданского и семейного права, весьма часто Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснения по вопросам применения законодательства при рассмотрении различных категорий дел с учетом наличия семейно-правовых связей между субъектами соответствующего правоотношения, особенностей осуществления лицами своих семейных прав и обязанностей [6, 8].

Следует отметить, что постулаты семейного права, как правило, неизменны в пределах иного отраслевого регулирования: браком признается лишь зарегистрированный союз мужчины и женщины, при вынесении судом решения о лишении родительских прав родители утрачивают все права, основанные на факте родства с ребенком, и т. д. В то же время в некоторых случаях законодатель и (или) правоприменитель

© Ильина О.Ю., 2021

занимают иную позицию, свидетельствующую о придании юридической силы иным обстоятельствам, нежели тем, которые императивно обозначены в Семейном кодексе Российской Федерации [1] (далее – СК РФ).

Очередной виток рассуждений по данному вопросу, на наш взгляд, могут спровоцировать материалы, представленные в Обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2020 г. С одной стороны, определения по делам, так или иначе свидетельствующим о юридическом значении сложившихся семейных отношений или же сформированных семейно-правовых связей, представляют интерес с целью изучения тенденций современной правоприменительной практики. С другой стороны, соответствующие судебные акты выступают эмпирической базой для обоснования теоретических суждений о некоем «совмещении» предметов семейно-правового и иного отраслевого регулирования.

Точка соприкосновения предметов регулирования, на наш взгляд, находится в отношениях по взаимному содержанию и оказанию лицами материальной помощи друг другу и, как правило, совместного их проживания. В связи с этим приобретает практическое значение формальное подтверждение совместного проживания и нахождения в пределах данного союза одного лица, являющегося нетрудоспособным, на иждивении другого.

Заметим, что в зависимости от отраслевой принадлежности норм, признаки, характеризующие основания иждивения, различаются.

Одним из вопросов, сохраняющих актуальность в течение длительного времени, является возможность признания законодателем так называемого фактического брака, т.е. сожительства мужчины и женщины при отсутствии государственной регистрации заключенного между ними брака. Не вступая в дискуссию о целесообразности и обоснованности легализации такой формы сожительства, полагаем необходимым указать, что Гражданский кодекс Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) при регулировании наследственных отношений предусматривает право наследования лица, состоявшего в фактических брачных отношениях с умершим.

В соответствии с п. 2 ст. 1148 ГК РФ «К наследникам по закону относятся граждане, которые не входят в круг наследников, указанных в статьях 1142 – 1145 настоящего Кодекса, но ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним. При наличии других наследников по закону они наследуют вместе и наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию».

Именно нетрудоспособный фактический супруг, который проживал совместно с умершим и находился на его иждивении, может быть призван к наследованию.

Заметим, что в сложившейся ситуации возможны и пикантные детали: наследодатель на момент смерти мог состоять в браке, но в силу различных обстоятельств проживать не с супругом, а с так называемым фактическим супругом и, кроме всего прочего, содержать последнего. Как было отмечено выше, при наличии всех признаков, указанных в п. 2 ст. 1148 ГК РФ, и супруг, и фактический супруг будут наследовать вместе и наравне с другими наследниками соответствующей очереди, в данном случае – первой.

Безусловно, «уравнивание» супруга и фактического супруга в наследственных правах при наследовании по закону предполагает, что:

- фактический супруг является нетрудоспособным ко дню открытия наследства;
- фактический супруг проживал совместно с наследодателем не менее года до смерти последнего;
- фактический супруг находился на иждивении наследодателя не менее года до смерти последнего.

Представляется, что каждое из перечисленных обстоятельств может быть подтверждено различными доказательствами, в связи с чем при рассмотрении судами соответствующих споров возникает необходимость толкования норм материального права. Заметим, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [5] ... Несмотря на это, в плоскости правоприменения не только встречаются споры, связанные с защитой наследственных прав нетрудоспособных иждивенцев, но и констатируются факты неправильного применения судом норма действующего законодательства.

В Обзоре судебной практики № 4 за 2020 г. приведено Определение № 5-КГ20-66-К2. Суть дела в следующем: гражданка Я. более 35 лет состояла в фактических брачных отношениях с умершим Г., проживая с ним в частном доме. Спорная квартира, в отношении которой после смерти Г. свои требования заявил Департамент городского имущества, полагая, что это выморочное имущество, была передана в пользование третьему лицу по договору аренды. При этом арендная плата по взаимному согласию Г. и Я. перечислялась на счет последней. После смерти Г. Я. оплачивает в полном объеме жилищно-коммунальные услуги за спорную квартиру.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявления и иска Я. отказано. Кассационный суд общей юрисдикции оснований для отмены судебных постановлений не усмотрел. Судебная коллегия по гражданским делам

Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления.

Учитывая, что факт нетрудоспособности Я. и совместного проживания Я. и Г. были подтверждены соответствующими документами, основной спор возник по следующему вопросу: была ли материальная помощь, получаемая Я. от Г. в период их совместного проживания (в том числе с момента выявления у Я. тяжелого заболевания в 2014 г. и до смерти Г.), постоянным и основным источником средств к существованию Я.?

Заметим, что в п. 31 названного Постановления Пленум ВС РФ разъясняет: «...полное содержание или такую систематическую помощь, которая была бы для него постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от получения им собственного заработка, пенсии, стипендии и других выплат». Подчеркнем: источники получения личного дохода, как впрочем, и размер этого дохода, не имеют значения. Главный критерий – материальная помощь умершего как постоянный и основной источник обеспечения потребностей иждивенца.

К сожалению, при рассмотрении данного спора судом как первой, так и вышестоящей инстанций не были оценены представленные доказательства, вследствие чего судебные акты подлежат отмене.

В рамках нашего исследования приведенный пример, который, к сожалению, отнюдь не единичен, позволяет сделать вывод о необходимости расширительного толкования понятий «семейные связи» и «семейные отношения», поскольку соответствующие отношения находятся за пределами предмета семейного права и семейного законодательства. Кроме того, при наличии отмеченной нами пикантной детали в сложившейся ситуации параллельно должны применяться и нормы действующего законодательства, регулирующие имущественные отношения между супругами, т.е. вполне допустима конкуренция исков супруга и так называемого фактического супруга.

Необходимость установления в судебном порядке факта иждивенчества кого-либо из членов семьи и получения содержания от умершего лица может возникнуть и при реализации права на получение пенсии по случаю потери кормильца. В Обзоре судебной практики № 2 (2020) это демонстрирует Определение № 78-КГ19-43: речь идет о Л., которая в связи со смертью мужа, сотрудника органов внутренних дел, заявила требование о предоставлении ей пенсии по случаю потери кормильца. К сожалению, суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска Л., причиной чему стало неправильное применение положений закона. В частности, суды не установили, что именно алименты, выплачиваемые мужем, являлись основным источником обеспечения ее потребностей. В судебном заседании было установлено, что муж выплачивал алименты на основании судебного решения, следовательно, факт нуждаемости Л. в соответствующих

средствах был доказан ранее и «засилен» вступившим в законную силу решением суда.

В Обзоре судебной практики № 4 (2020) приведено Определение № 25-КГ19-9, изучение которого позволяет нам выявить и продемонстрировать иную взаимосвязь содержания семейных правоотношений и перспективы получения единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью члена семьи.

Суть дела в следующем: И. полагала, что Т. должен быть лишен права на получение предусмотренных законом страховой суммы и единовременного пособия, поскольку не поддерживал никаких родственных связей с сыном, при жизни сына и до его совершеннолетия не занимался его воспитанием, не интересовался его судьбой, своих обязанностей родителя не осуществлял, материально не содержал, алименты не выплачивал. Кроме того, Т. был привлечен к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов на сына.

Похороны сына И. организовывала самостоятельно, всё оплачивала за счет личных средств.

Ответчик в суде иск не признал.

Суд первой инстанции отказал И. в удовлетворении иска о лишении Т. права на указанные выплаты, сославшись на положения ст. 3 Федерального закона №306-ФЗ, ст. 1, 2, 4, 5 Федерального закона № 52-ФЗ и отметив, что действующим законодательством не предусмотрена возможность лишения одного из родителей права на получение единовременной выплаты и страховых сумм в связи со смертью военнослужащего.

При этом суд отметил, что доводы И. о якобы злостном уклонении Т. от выполнения обязанностей родителя по отношению к их общему сыну А. не нашли своего подтверждения в судебном заседании, ведь Т. не был лишен судом родительских прав в отношении сына А.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Итак, в приведенном случае именно факт ненадлежащего осуществления родительских прав и исполнения родительских обязанностей, предусмотренных нормами СК РФ, и его доказанность выступают условием применения положений специального законодательства о статусе военнослужащих.

В соответствии с положениями специальных законов [2, 4] родители относятся к лицам, имеющим право на получение единовременной выплаты и страховой суммы в случае гибели военнослужащего.

В то же время возникает вопрос, имеют ли значение в данной ситуации факты, указанные И. в исковом заявлении и свидетельствующие об уклонении ответчика от исполнения обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка?

Напомним, что ответчик не был лишен родительских прав в период несовершеннолетия погибшего сына. Но ведь именно лишение родительских прав означает прекращение всех прав, основанных на факте родства с ребенком, в том числе прав на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей (ст. 71 СК РФ). Таким образом, формально ответчик по-прежнему имеет статус отца и, следовательно, имеет право на получение выплат в связи с гибелью сына в период несения им военной службы.

Однако, по мнению Судебной коллегии Верховного Суда РФ, иск матери погибшего военнослужащего должен быть удовлетворен, а отец, соответственно, лишен права на получение названных выплат.

Что же стало обоснованием данной позиции при отсутствии такого юридического факта, указанного в СК РФ, как лишение родительских прав?

Прежде всего, Судебная коллегия апеллировала к ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практике Европейского суда по правам человека, подчеркнув, что семейная жизнь охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками.

Затем Судебная коллегия посчитала возможным привести в качестве дополнительного аргумента разъяснения, содержащиеся в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [7].

В частности, отмечается, что «уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении. Разрешая вопрос о том, имеет ли место злостное уклонение родителя от уплаты алиментов, необходимо, в частности, учитывать продолжительность и причины неуплаты родителем средств на содержание ребенка».

Резюмируя рассуждения о правах и обязанностях родителей, о тесной эмоциональной связи как признаке семейного союза, об ответственности родителей и последствиях лишения их родительских прав, Судебная коллегия формулирует следующий вывод: «Ввиду изложенного лишение права на получение мер социальной поддержки в виде единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью

военнослужащего возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями к лишению родителей родительских прав, в том числе в случае злостного уклонения родителя от выполнения своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка».

Таким образом, при рассмотрении спора, связанного с предоставлением социального обеспечения лицам, состоящим в родственных отношениях, Верховный Суд РФ обозначил возможность наступления определенных правовых последствий, для которых не соблюдена установленная СК РФ процедура: родитель, не лишенный родительских прав, лишается специальных прав, обусловленных статусом родителя.

Казалось бы, следуя принципу социальной справедливости, ответчика можно лишить права на получение соответствующих выплат, связанных с гибелью сына.

Но каким образом в таком случае будут регламентированы иные последствия гибели сына? Может ли отец выступать наследником первой очереди при наследовании после сына? Можно ли расширительно толковать позицию Судебной коллегии и распространить режим «мог быть лишен родительских прав» на все отношения, предполагающие установление правовой связи между отцом и сыном? Или же мать погибшего сына опять-таки в судебном порядке, но в рамках защиты наследственных прав по ст. 1117 ГК РФ заявит требование о признании отца недостойным наследником? Заметим, что перспектива удовлетворения данного требования вполне реальна, поскольку в рамках регулирования именно этих наследственных отношений законодатель прямо указывает на такое основание (п. 2 ст. 1117 ГК РФ).

Представляется, что приведенный пример позволяет отметить значение семейно-правовых связей при регулировании наследственных отношений, т.е. в ситуации, когда эти связи уже прекращены смертью наследодателя. При этом возможность получения права на дополнительные льготы, обусловленные семейно-правовым статусом, может быть реализована при фактическом игнорировании положений ст. 69 – 71 СК РФ.

По нашему мнению, вышеизложенные суждения не могут быть признаны завершенными, поскольку основаны на эмпирической базе, ограниченной Обзорами судебной практики Верховного Суда РФ за 2020 г. Нет никаких сомнений в том, что при рассмотрении споров, связанных с реализацией прав граждан в различных отраслевых правоотношениях, наличие семейных отношений и семейно-правовых связей может не только иметь решающее значение, но и получать самостоятельное толкование, отличающееся по сути от предписаний законодателя и теории семейного права.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // РГ. 1996. 27 янв.
2. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // РГ. 1998. 7 апр.
3. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // РГ. 2001. 28 нояб.
4. Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // РГ. 2011. 9 нояб.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // РГ. 2012. 6 июня.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // РГ. 2014. 7 февр.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // РГ. 2017. 20 нояб.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // РГ. 2019. 9 янв.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

FAMILY RELATIONSHIPS AND FAMILY LEGAL RELATIONSHIP AS A SUBJECT OF ANOTHER INDUSTRY REGULATION

O.Yu. Ilyina

Tver State University

The author notes the peculiarities of the regulation of family relations as part of the subject of social security law and inheritance law. Differences in family ties and family legal relations in the context of ensuring the rights and interests of citizens by the norms of the relevant industry legislation are noted.

Keywords: *family and legal status, family ties, social Security, hereditary legal relationship.*

About author:

ILINA Olga – doctor of Jur. Sciences, Professor, Dean of the faculty of law of Tver state University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33); SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7 – 15.